

Андрей Соколов

КОМЕТА ГАЛЛЕЯ

Солнце из зенита посылало высокоточный луч прямо в блюдце лысины Топтыгина. Александр, уже помятый крымскими винами в Ялте, куда он приехал лишь для того, чтобы на присланной за ним машине "отбыть" в посёлок Научный, обсерваторный городок, где у него было дело, застонал. Он поглядел на разворачивающуюся горкомовскую "Волгу", сплюнул горькой пересохшей белой слюной в жёлтый перегретый песок, и пошёл по пустынной улице поселка. День был в разгаре, на улице не было ни единого человечка.

- Где они все? – С трудом соображал Топтыгин. – Меня, что ли испугались, попрятались? Да я же смирный...

Из-за угла с тихим хрюканьем выскочил поросенок, бросился Топтыгину в ноги, чуть не сбил.

- Зараза, - воскликнул тот и пнул зверя по лоснящемуся боку. Честно говоря, это было рефлекторное движение – Топтыгин просто испугался от неожиданности. Хряк обиженно захрюкал, и, наконец, в солнечном мареве появился человек. Несмотря на космическую жару, он был в какой-то плотной полосатой хламиде, напоминающей обрезанный восточный халат. Рукава кончались широкими раструбами, из которых торчали красные ладошки. Так и казалось, что на спину откинут клобук. Но его не было, конечно. Грива нечёсанных волос сваялась, нос у человека алел на припухшем круглом лице.

- Не успели приехать, товарищ художник, а уже свинячите. Но только здесь, в Научном, богемные привычки придётся забыть. У нас здесь планетарный порядок!

- Ты кто? – Испуганно спросил Топтыгин.

- Я здесь учёный секретарь. А, вообще, так, не пришей кобыле хвост. Потому к вам и приставлен буду.

- Понятно. Где бы мне здесь пивка попить, научный секретарь?

- Учёный. Учёный секретарь. А пива здесь нет. Пойдёмте, в гостинице уже «Чёрные глаза» ждут – не дождутся. Мы же с вашим и нашим понятием – чтобы заслуженный художник да не с похмела приехал, такого не бывает, ага?

- Ага. Только вино пить не буду, пока с Академиком не встречусь.

- Что, неужто выдержите?

- Идём. Учёный секретарь, прости Господи...

Гостиница была просто чудо. Деревянная, построенная сразу после войны из местной сосны, роща которой сейчас как раз давала напоенный густой аромат, по жаре воспринимающийся особенно остро, как-то даже необычно, она и внутри оставалась чудной, и тоже необычной. В комнате, куда его привел Жорик, так представился учёный секретарь, ему было постелено на огромном кожаном диване, годов эдак из тридцатых, не позже. В голове, на филигранно отделанной

красным деревом тумбочке, стоял приемник «Телефункен».

- Жорик, он что, работает?!

- А то!

Он нажал на клавишу, засветился зеленый огонек, и эфир забормотал, запел.

- Голоса слушаем? – Пошутил Топтыгин.

- Не. – Равнодушно пожал плечами Жорик. – Это у вас там, в столицах. А здесь не актуально.

- А что у вас актуально?

- Да разное. Махорочные по списку зажали, комета Галлея скоро наблюдаться будет, народ уже начал готовиться, с девками-аспирантками, прости Господи..., тоже геморрой.

Он замолчал.

- Какие махорочные?

- Какие, какие... По списку положенные. А не завезли сигареты. Где-то в комиссии, в большой Академии, кто-то вычеркнул, бисов сын. Не уважают они там физику Солнца.

- А может дочь?

- Да может. Наверное, некурящие. Ну, вы отдохните с дороги...

- Пошли к Академику.

- Ага, - хитро улыбнулся Жорик, - сделал дело..., значит, все же требует организм "чёрных глаз"?!

- Требуется, требует.

Он выложил в угол все свои вещи: чемодан, рюкзак, мольберт. В гостинице было свежо и прохладно. Выходить на улицу совсем не хотелось. Но Топтыгин привычно дал внутреннюю установку: зато после, посижу, попою винца, приду в себя.

Ну надо, дорогой, надо...

Да и любопытно – каков он, Академик, если не с фото. В сущности, это и было одной из первых и главных задач Топтыгина. Увидеть Академика сначала вживую, потом изнутри.

Но ничего не вышло. Жорик, понятиливо улыбаясь, вышел из домика Академика, и, торжествуя неизвестно от чего, процитировал шефа.

- Академик сказал: "здесь Крым, едрена мать, а не Подмоскowie". Сиеста, однако. В 8 вечера ждёт вас на эфтом самом месте... В кажинный раз, на эфтом самом месте...

- Ученые все, бля...- обиженно пробормотал Топтыгин.

- Ну а как же! Мы же как называемся – посёлок Научный. Да и сам я... Ноблес облич, короче.

Топтыгин сел в огромное, старое, тоже кожаное, горячее, сильно потертое, кресло, закрыл глаза, расслабился. Комната была выжжена крымским нещадным солнцем.

- Зачем согласился? – С тоской подумал он. – Сидел бы сейчас в Тушино, после обеда дождик тебе, к вечеру в Алешкино, в лес, этюды на опушке... Сдался тебе этот Крым, эта Обсерватория, этот Академик... Нет, неправ. Уже одна эта комната стоит мессы. Они умудрились все сохранить, лет 50 всему этому...Даже лампа оттуда... И всё работает, самое главное...

Так, хватит ныть, давай-ка тоже поработаем.

Топтыгин принял - по науке - горячий душ, достал из планшета листы ватмана, начал делать зарисовки комнаты. Через минуту всё его плохое настроение исчезло, он увлёкся набросками. И как-то всё стало очень по душе: этот воздух, от которого даже немного сердце по иному стучало, комната – ностальгия, предметы, которые всегда искал, скупал, забивал ими и квартиру, и студию. А тут кто-то ему всё на блюдечке поднёс.

Академик был высоким поджарым мужчиной с запоминающимся волевым лицом, очерченным подбородком. Деталь, которую Топтыгин, серьезный портретист, уважал и любил. С таким подбородком долго над характером мытариться не приходилось.

- Вы меня простите, дорогой, - сказал он, усаживая Топтыгина на скамейку, - они меня замучили с этим юбилеем. Как будем работать?

- Ну, для полноценного портрета – а именно о таком идёт речь, если я правильно понял ваших коллег- придётся потерпеть сеансов 8-10.

- Дела, - почесал затылок Академик,- где же я время возьму? У нас же, слышали наверное, Галлея, скоро. Работы просто невпроворот. Ну к чему это сейчас? Ну, совершенно, ни к чему.

- Подождите. Я и не знал, что вы против. Так мне, что, уехать, что ли?

- Ладно, Александр. Вы-то здесь причём?! Что ж я, нехристь, что ли, с вами так поступать. Раз приехали, будем работать. Да и, что скрывать, неплохая в сущности затея – портрет. Всё ж, как ни крути, уже 50. С ярмарки уже, пора об этом как-то думать...

- Да ну, с какой вы ярмарки?! Фактура – пальчики оближешь.

- Чего!? Ах, ну да, вы же художник. Ну, и как вам наша Обсерватория?

- Да я ещё не видел ничего.

- Ну, это мы быстро. Покажем, расскажем. Работа у нас в основном ночью, небеса наблюдаем. Так что, милости прошу, часов в 12, вон в ту башню. Договорились? Ну, чтобы в контекст плотно войти.

- Мысли мои читаете. Только хотел именно об этом попросить.

- Рад, рад. – Академик посмотрел на него пристально. Он молчал.

- Что?

- Тут такое дело, Александр. Девушек, аспиранток, пять. Три разобраны.

Запоминайте: Олесья. Это моя.

- Понял. А как же двух остальных зовут? И неохваченных?

- Ну, Александр. Не моё это дело, как их зовут. Я ведь директор Обсерватории. Есть Ато, у него поинтересуйтесь. Это входит в круг его обязанностей, его компетенция, в конце концов.

- Какой Ато?

- Ну вы же знакомы уже. Учёный секретарь наш...

- Он мне назвался Жориком.

- Жорик. Он такой же Жорик, как я Мао Цзе Дун. Дурака валяет. Атомиус он, Ато, кандидат наук, а всё, как мальчишка...Так вот, у него полная информация по

аспиранткам...

- Да сдались мне эти девушки! Я ж работать приехал...

- Тсс! – Прижал палец к губам Академик. – Это Крым. Здесь такие вещи загадывать нельзя. Здесь вообще ничего загадывать нельзя.

Топтыгин смотрел на него. Было уже совсем темно, загорелое лицо Академика едва различалось. Крымская тьма напознала на поселок, черная, чуть освежающая, обволакивающая, расслабляющая, со своей музыкой цикад, и какой-то чертовщинкой: все здесь только и делали, что ждали комету Галлея. И девушки-аспирантки тоже.

И Топтыгин почувствовал, что ему очень их хочется увидеть.

- Хрен знает что, - подумал он, - а, ведь, пожалуй, прав – это Крым.

В кустах, напротив их лавочки, раздался сначала короткий девичий вскрик, потом хриплое мяуканье, и невнятный мужской голос забормотал: "А ничего! А ничего! А в войну ещё и похуже было!"

- Вот он. Лёгко на помине. – Равнодушно сказал Академик. – Ну, я пойду. Надо с хозяйством немного разобраться. А то вчера сгущёнку в отдел Северного сияния недодали.

- Сгущёнку? А то? Ато не додал?

- Смешно. – Сурово сдвинул брови Академик. Взгляд был тяжелым. – Сгущёнка...

Нет, Ато это не потянет. Слишком зависим от Белобрыса. Только мой авторитет ещё что-то здесь значит, дорогой Топтыгин.

- Так ночь же уже.

- Самое время. Днём никого с огнём не сыщешь.

- Ни фиги себе! – Подумал Топтыгин. – Я же ему только официально представлялся

- Александр Медведев!

Из кустов, как только Академик скрылся в конце аллеи, вышли Ато и пять девушек. За ними, крадучись, волочился огромный белый кот. Они подошли к Топтыгину, и девушки, церемонно протягивая ладошки, сделали книксен.

- Наша надежда. – Пафосно сказал Ато. – В научном, понимаешь, смысле слова.

Хотя, много чего и так могут. Нет, как гейши, только, как гейши... А котёра – само собой, Белобрыс. Хороший разведчик, между прочим.

Кот забил хвостом по земле.

- Приятно познакомиться, - персонально ему сказал Топтыгин. Кот удовлетворенно растянулся у скамейки.

- Белобрыс. – Ато нагнулся к коту и что-то прошептал ему на ухо. Кот не шевельнулся.

- У нас же гость, Белобрыс. Академик же говорил...

Кот нехотя поднялся, пошмыгал два раза рожу, опять хрипло мяукнул, и скрылся в темноте.

- Счас музыку поставит. – Сказал Ато. – Житья нет от этого зверя. Это же я так, при нём, разведчиком его назвал. На самом деле, самый настоящий сексот. Все сливает в профком. Любое мое движение. А ведь копию калькуляции на сгущенку из Большой академии им отправляют. Вот и управляй, после этого, хозяйственными

потоками, с такими-то друзьями, белыми да пушистыми. Сучара позорный...

Монолог прервала композиция «Пасадена», очень модная.

- Я вас понял, - сказал, неожиданно для самого себя, Топтыгин. Ато удовлетворённо скорчил странную мину в ответ.

Это движение каким-то образом неуловимо было похоже на ужимки самого Белобрыса.

- Однако! - Топтыгин зачарованно глядел и слушал.

- Между прочим. - Значительно проговорил Ато, глядя на вернувшегося Белобрыса.

- Ихний предок тут, в Крыму, дела-то творил. В Аджимушкае. Знаем, знаем. Свет не без добрых котов! Он, представляете, работал и на партизан, и на немцев! И на партизан, и на немцев! Носил записки от городских подпольщиков в каменоломни, в кожаном банте, на вые, а жрал на помойке казармы зондеркоманды гауптмана Альфреда фон Бломберга. Ну, кто-то стукнул, немцы записку поменяли, но тут уже у немцев утечка произошла... Короче, кота выдрали хорошенько, и в отряде оставили. Ну, и где вы еще такие истории про котов знаете? Только в Крыму. Потому что здесь сама природа...

Белобрыс лежал, недобро поводя торчащими ушами.

Но Топтыгин уже не слушал Ато. Он с интересом прислушивался к щебету аспиранток. Какое-то внутреннее чувство подсказывало ему, что эти девушки не те, за кого их выдают. Вернее сказать, не совсем те.

- Фраерок-то пустоватый, - говорила одна девушка, - даже котлов нет. Прошлый кент, помните, весь в рыжевые был...

- Ага. Только нам от этого нуль на палочке вышел. Умотал, не попрощавшись, не расплатившись. И чё, что с кольцами? Дура, ты, Олеся! Для тебя форма важнее содержания!

- Да он меня Кантом с толку сбил! Нравственный императив, туды-сюды...

- Вот именно: туды- сюды, - передразнила собеседница, - тебе только у телескопа и место. Сидела бы, наблюдала за сверхновой, больше толку-то было бы!

- А может он котлы в дороге пропил? - Предположила третья барышня. - Помните, племянник английского графа приезжал, мы ему ещё системные наблюдения вели за Бетельгейзе, радиацией интересовался? Так, говорит, что потому в одних плавках к нам заявился, что портки в Ялте в пивбаре заложил.

- Да врал он всё! От девок он сбежал, Люська рассказывала. Утром, чуть свет, пока они спали, на цыпочках... А штаны не стал искать, разбудить боялся... Нет, смех! - Засмеялась рассказчица. - Я потом у Эдика, у официанта, спрашиваю, чё это они ему пива-то не налили? Он же и правда, сначала, в этот пивбар приперся. Да, говорит, у нас закрыто было, пиво разбавляли, процесс сложный, ну и шуганул. Я говорю, шуганул ты 2 000 фунтов, которые у графа в кармашке плавков были. Боже! Что с Эдькой было! Лучше б я не говорила!

- Да уж. Лучше бы не говорила, - поддакнула одна из девушек, - он ведь запил тогда. С круга сошёл, теперь вот на ялтинском базаре грошики сшибает.

- А ничего. В войну и не такое бывало. И потом, крымский базар, это, считай, рай

уже. Пусть сшибает.

- Графья эти! Испортили парню жизнь. Теперь вот болтается, как... космический мусор на орбите. - В голосе четвертой барышни прозвучало осуждение.

- Они так могут до утра болтать. Вы бы определились, товарищ Топтыгин, - твердо сказал Ато, - вот, рекомендую, вот эта, видите, какой румянец!

Румянца, в темноте, конечно, видно не было. Да и вообще, этот балаган мог продолжаться до какого-то момента.

Но Ато чутко уловил настроение Топтыгина.

- А что мы здесь сидим-рассиживаем? Идём в буфет, там уже стол накрыли. Айда, гражданки, банкет в честь гостя! Я – тамада!

И опять Топтыгин неизвестно почему подчинился. Хотя, по дороге, он сказал Ато.

- Слушайте, дорогой. А когда же я в башню-то попаду? Хотелось бы увидеть эту Галлею воочию, так сказать.

- Боюсь, дорогой Топтыгин, сильно вы разочаруетесь. Особенно, если вам дадут именно в радиотелескоп именно Галлея посмотреть. Нет, в обычную подзорную трубу, это да. Неофиты экстазируют. Звезды видны отчетливо. А Галлея...Она еще очень далеко. Да зачем вам?

- Нет, ну как?! Она же раз в столетие рядом пролетает. Наверное, влияет, как-то, на нас. На наш внутренний мир. И на Академика, в первую голову.

- Хорошо. Обещаю, после банкета, заскочим на минутку.

Они почти натолкнулись на молодого человека, шедшего им навстречу.

- Иван. – Сказал Ато. – Как там, в порядке?

- Да какой! Основная масса ушла внегалактическим исследованиям. Я же говорил, надо рядом с Академиком тебе быть. Вот он и наворочал. Тю-тю сгущеночка!

- Ну, мы здесь тоже не байдыки бьём. Сам же Академик и настоящ...

- А!- Безнадежно махнул рукой Иван, и быстро скрылся.

- Дела, Белобрыс! Ты, как всегда, был прав. – Сказал Ато коту, волочащемуся слева. Тот фыркнул, и метнулся в кусты. Ато совсем погрузился.

- Ну, не падайте духом, Ато. В войну ... тьфу ты, Господи! Что со мной?!

- Крым, батенька, Крым, - засмеялся Ато, - прошу! Вот и буфет. Барышни, вперед! Через два часа Топтыгин попросил Ато.

- Слушай, брат... Ты ведь брат?

- Брат!

- Брат, пойдём, подышим. Но только без этих гейш. Просто, ночным воздухом. А?

- Пойдем, брат.

Они вышли на улицу, Топтыгин, жадно хватая воздух, сказал.

- Ты говоришь, Галлея ещё далеко. А, вон, смотри. Вон она. Видишь, инверсионный след... Галлея, Галлея...

- Топтыгин, милый, этого не может быть. Комета не метеор, у неё не может быть инверсионного следа. Просто ты уже спишь, Топтыгин. Просыпайся... Просыпайся... Окончательно его разбудило хриплое мяуканье Белобрыса. Кот, оказывается, прикорнул на его груди. Сам Топтыгин лежал в одежде поверх одеяла на своём кожаном диване. Над ним склонилась аспирантка.

- Как тебя зовут? – Моментально спросил Топтыгин.

- Олеся.

- Твою мать, - застонал художник, - я же обещал Академику.

- Топтыгин, прекратите истерику. Вон, берите пример с Белобрыса. Сколько за ночь натерпелся, маленький, - она начала гладить миглом вскочившего на её полные колени Белобрыса, - Девушки, идите сюда!

Около Топтыгина образовался небольшой водоворот из пяти аспиранток.

- И, что характерно, все мы Олеси, - сказала та, которая разбудила, - загадай желание, милоч.

- Да чё его загадывать, - буркнул, наконец совсем проснувшийся, Топтыгин, - сколько время-то?

- Время не имеет начала и конца. Как можно определить, сколько его?

- Боже ж ты мой, - застонал Топтыгин, - и откуда вы взялись? И где Академик? День-то, кажется, к концу, надо зарисовки делать.

- Академик ждёт на вашем месте, милый Топтыгин, - сказал появившийся Ато, - "Черные глаза"?

- Да, пожалуй. А Академик...

- Он в курсе. Так что, никаких проблем. Академик вообще всегда в курсе всего. Даже траектории искомой кометы. Девушки, идите отсюда!

Весь сеанс Академик смотрел на Топтыгина, севшего на этот раз на противоположную скамейку, своими стальными веселыми глазами. Но Топтыгин уже как-то попривык, и это не мешало делу. Между ними через равные промежутки курсировал туда-сюда Белобрыс.

- Тоже комету Галлея ждёт.

- Меня он ждёт, - уверенно сказал Академик, - ну, не как личность, а как лицо, распределяющее сгущенку в Научном.

- Умный котяра.

- Котяра? Вообще, я не уверен. Но... - задумался Академик, - ну да. Есть же определенные правила игры. Котяра...

Когда закончили, Академик сам отвел Топтыгина в одну из башен-телескопов. Там, когда стемнело, Топтыгин посмотрел в мощный радиотелескоп, и, в точь, как предсказывал Ато, ничего интересного не увидел: комета Галлея оказалась на поверку каким-то пучком, кустиком, белесых пятен. Причем, никуда она не летела. А вот звезды поближе порадовали душу художника. И все же Топтыгин ожидал чего-то более... более (ну не мог он сформулировать). Несмотря на предупреждения Ато. Он встал, вежливо улыбнулся одной из Олесь, и начал пробираться впотьмах к выходу.

И опять, в лицо, почти физически, ударил смоляной крымский сосновый запах. Его сильно качнуло. Топтыгин остановился, пришел в себя, шагнул со ступенек на землю. И тут же из кустов раздалось хриплое мяуканье Белобрыса.